

УДК 316.7

С.Н. Комиссаров

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ФАКТОРЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ**
(продолжение)

В статье рассматриваются социокультурные аспекты идентичности. Показаны основные проблемы и тенденции развития современной российской культуры, определяющие процессы идентификации.

Ключевые слова: *социокультурные факторы идентичности и идентификации, социальное воспроизводство культуры в условиях рынка и развития новых информационных технологий.*

Комиссаров Сергей Николаевич

Доктор философских наук, профессор, руководитель центра по связям с общественностью и средствами массовой информации Института социологии Российской академии наук (г. Москва)
E-mail: presscentre@isras.ru

© Комиссаров С.Н., 2014

S.N. Komissarov

**SOCIOCULTURAL FACTORS
OF IDENTIFICATION**
(continuation)

The article analyzes social and cultural aspects of identity. The author shows the main problems and trends in the development of contemporary Russian culture that determine the processes of identification.

Key words: *social and cultural aspects of identity and identification, social reproduction of culture in the terms of market economy and modern IT.*

Komissarov Sergey N.

Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Head of the Center of Public Relations and Media, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

E-mail: presscentre@isras.ru

© Komissarov S.N., 2014

Продолжение. Начало в № 4 2013 г.

Очень важным социокультурным фактором идентификации стал процесс вестернизации искусства. Еще в начале 1990-х гг. кинокритик Станислав Багалов с предельной выразительностью и краткостью обрисовал ситуацию в отечественном киноискусстве: «На обломках советских киноимперий вальжно расселся янки-скотовод... Словом, в фильмах, которые смотрит сегодня массовый российский зритель, воплощены ценности, на которые янки ориентировались всю жизнь и которые пронизывают все американское общество. В это общество и зовет нас ковбой...» [1, с. 41]. С тех пор около 90 % фильмов в отечественном прокате неизменно американские. Не сравнивая качество американских фильмов с российскими, и не замахиваясь на свободу предпринимательства в кинопрокате, надо осознавать, что по данным социологического исследования в г. Москве среди старшей возрастной категории (свыше 60 лет) отечественные фильмы предпочитают смотреть 90 %, только американские – 3 %, люди среднего возраста (30–59 лет) – соответственно 85 % и 11 %, а с 10 до 30 лет – 57 % и 32 % [2]. Это позволяет определить вектор социокультурной идентификации. «Культурная интервенция» Запада приводит к разрушению национальных основ духовной культуры. «На протяжении последних двух десятилетий вся русская культура, в том числе и классическая, оказалась в резервации», – свидетельствуют патриотически настроенные деятели отечественного кино [3]. Но ведь каждая национальная культура – это генотип цивилизации, ее разрушение и насаждение чуждой ему по духу культуры подрубает корни самобытности народа. Как изменится внутренний мир людей, потребляющих продукты «эрзац-культуры», как сложится их идентичность в новом культурном поле, сказать трудно. Пока отроки ломают язык, напевая по-английски, пока идут ток-шоу, калькированные с западного телевидения, пока телесериалы о преступниках, судах и «красивой жизни» богатых и просто «райской» – обитательниц публичного дома – гипнотизируют зрителя – лишают его возможности понять, что же происходит в реальной жизни вокруг – «русский народ онемел» (критик Владислав Бахревский) и, как водится, безмолвствует...

Нельзя не отметить также среди социокультурных факторов идентификации и криминализацию искусства и литературы, которая проявляется не только и не столько в резком увеличении доли детективов в книгоиздании и на телеэкране, сколько в романтическом изображении уголовного мира, жизни преступников самого разного пошиба, пропаганде блатной песни под видом «шансона» и т.д. и т.п. Художественное познание современной действительности сфокусировалось на личности... преступника, которая оказывается часто притягательным примером для подражания¹, с

¹ Достаточно напомнить о многочисленных последователях фильма «Бригада» и данные недавних социологических исследований среди молодежи, обнаруживших высокую престижность «отсидки» в тюрьме как свидетельства «крутости» и пропуска в «настоящую» взрослую жизнь.

которым олицетворяет себя особенно юное поколение. Героем стал циничный разрушитель общего блага и радатель блага собственного – любым путем – или его антипод в милицейском мундире, который также «по фене ботает» и применяет такие же противозаконные средства борьбы с криминалом... На всех телеканалах под разными названиями идут передачи «из зала суда», которые приучают зрителя привыкать к тому, что рано или поздно он в этом зале окажется... Насилие над человеком пропагандируется как особое удовольствие, не сравнимое ни с какими другими «радостями». В нашей стране «современное кино утратило уважение к жизни и смерти, – свидетельствует крупнейший режиссер Н.С. Михалков. – Когда у вас на глазах убивают тридцать пять человек и вам их не жалко – это знак беды» [4, с. 4].

Рассуждения о социокультурных факторах детерминации становления новой идентичности в нашей стране будут неполными без оценки существенного для состояния культуры и искусства момента. Речь идет о культурной политике государства, претерпевшей в последние десятилетия существенные изменения. Государство – навигатор идентификации, если хотите – ее демиург. Но, по мнению специалистов, культурной политики за последние 20 лет просто нет (А.Я. Рубинштейн). По словам Александра Калыгина «в российской классификации культура находится на 91 месте между прачечными и ритуальными услугами» [5] ... Складываются серьезные диспропорции в развитии региональной культуры: бюджетное финансирования «передовых» и «крайних» субъектов Федерации различается в ... 64 (!) раза [6]. Возможно, целесообразно напомнить, что в 1990 г. бывшие советские республики по стоимости основных фондов отличались примерно в три раза. По последнему общесоюзному бюджету на искусство и культпросветработу было отпущено в РСФСР – 9,7 руб., в Армении, например, – 17,9 руб. [7, с. 32–33] Понятно, что цифры не вполне отражают качественные изменения в системе социокультурных факторов идентификации. Но главное – деятельность государства в этой важнейшей сфере не получает политической оценки как важнейшая гарантия целостности страны, которая не может сохраниться при культурной энтропии и хаосе идентичностей, не может обеспечить целостность страны и самосознание народа – следовательно, будущее России. Тем более у власти отсутствует понимание значимости социокультурных факторов для процесса идентификации. Именно поэтому нынешний хаос идентичностей не соответствует ни китайскому принципу «пусть растет сто цветов», ни Леонтьевской «цветущей сложности». Вместо цветов буйно растут чертополохи, а усиливающаяся сложность приводит к обострению противоречий между различными, прежде всего национальными, идентичностями. Поэтому перед государством ныне стоит задача колоссальной сложности: обеспечить свободное и подлинно демократическое развитие культуры, ее высвобождение от диктата рынка,

восстановить целостность культурного пространства многонациональной страны, стимулировать процесс общесоциальной идентификации на основе генотипа отечественной культуры во всем богатстве ее национальных составляющих. Инструментом осуществления поворота власти лицом к культуре должна стать перемоделирование системы образования как важнейшего звена, определяющего социализацию и идентификацию человека, возвращение отечественной культуры в школу, стимулирование художественного образования детей и юношества. Одним из условий раскрытия идентификационного потенциала культуры является обеспечение ее саморегулирования – но не только за счет освобождения от диктата рынка. Одним из самых деструктивных механизмов культурного процесса и ярким доказательством неэффективности деятельности государства в сфере культуры является неуязвимость криптократии в искусстве – явления, идентичного мафии в любой другой сфере «народного хозяйства»¹.

Резюмируя краткий анализ социокультурной ситуации, можно констатировать вслед за поэтом Андреем Вознесенским: какова реальность – такова и литература (искусство). И, может, прав выдающийся поэт Андрей Вознесенский, прочитывая СЮР всего лишь как зеркальное отражение РЮС и русская наша реальность вернее всего отражается в перевернутом зеркале сюр? А «то, что казалось раньше параноидальным сновидением, стало не сюр, а просто реальностью»? [8, с. 4]. Когда на глазах у художника (писателя) рушится мир, творчество его не может быть ничем иным как «апокалиптическим посланием», «метафорой катастрофы», беспредельным отчаянием, всепоглащающим абсурдом, распадом всего и вся, вплоть до слов, красок, объемных форм, сюжета, звуков и их гармонических сочетаний – т.е. всего, чем пользовались художники во все времена. Идентификационная «производная» от такого искусства особых уточнений не требует. Поэтому многие деятели культуры высказывают опасения, что в последние десятилетия нарушена преемственность в культуре, которая развивается по принципу, сформулированному философом Библером: «Те же и Софья»... Однако философское кредо нынешнего этапа их развития сформулировал писатель Эдуард Лимонов: «Destruction is creation» (Разрушение есть созидание).

Итак, результат более чем двадцатилетнего развития отечественной культуры, по мнению абсолютного большинства ее самых авторитетных

¹ По крайней мере, каждая «новая волна» и «песня года» позволяет увидеть вместо новых исполнителей и композиторов до боли – еще с 70-х гг. прошлого века – знакомые лица, а также их любимых дочек и сыновей, новых мужей и жен... В соседнем «цехе» почти также: «Литературной чернью» (о ней писали еще Пушкин и Блок) назвал поэт Тимур Зульфикаров ту литературную (точнее – околослитературную – авт.) «тусовку», которая определяет, тем не менее, престижные премии, раздает ярлыки «гениев», а заодно и тиражи и гонорары.

деятелей, удручающий. И дело не только в том, что сколь либо значимые художественные произведения завалены горой мусора – в конце концов, вся эта мукулатура рано или поздно попадет на свалку. Нынешнее «художественное производство» не только утратило творческий потенциал, но и потеряло свои корни, изменило природе Великого отечественного искусства. Оно перестало быть откровением о человеке и времени, в котором он живет, о смысле его жизни и предназначении на земле. А это сразу переводит художественное творчество в разряд другой деятельности – предпринимательской. Она может быть вполне успешной в коммерческом плане, может быть признанной не только публикой, но и властью. Но к искусству это имеет такое же отношение, как профессиональное времяпровождение обитательницы публичного дома относится к любви.

Последствия такого насилия над культурой более глубоки, чем экономический кризис. Они не осознаются¹. Потеря смысла жизни, апатия, стресс², взрывы насилия, всплеск суицида, утрата проекционности бытия, отказ от будущего, что противоречит устремленности в будущее как черте национального сознания. В результате навязываемого по всем каналам гедонизма и потребительства высшие устремления человека подменяются стремлением удовлетворить животные инстинкты. Время скукоживается до «здесь и теперь», духовное пространство – до собственного мирка с потаенными страстишками. Расщепление искусства на элитарное и массовое примиряет с расщеплением социума и общественного сознания по словесному признаку, теряется духовная и цивилизационная целостность страны. «Время теряет свою значительность», жизнь теряет смысл, культура деградирует, цивилизация угасает. В конце концов надо признать, что все глубоко несчастны: «В больной стране не может быть не больных людей. Все болит, к чему ни прикоснешь...» (В. Распутин). «Все мы пациенты палаты № 6, – с горечью пишет Карен Шахназаров. – Говорить правду опасно: вмиг объявят сошедшим с ума. Правда – она всегда опасна. И на лжи очень многое строится. Другое дело, что люди, которые пытаются говорить правду, все равно появляются, как бы их ни изводили. Ведь, в сущности, все мы знаем: то, что происходит вокруг – на всех этих фестивалях, заседаниях, саммитах, – на 80 % неправда. Никого не обманешь. Но никто не напишет про это всю правду, потому что в этом случае ты будешь выглядеть абсолютным идиотом и тебя изгонят. И так происходит везде – так

¹ Литературу известный философ и культуролог Борис Парамонов назвал «русским коллективным неврозом». И это, действительно так, потому что литература для нас – это саморентген души, а не зеркало, в котором отражаются только внешний облик. Потому литература никогда не станет для нас развлечением или отвлечением от самих себя.

² Свыше 70 % населения, согласно доклада Пироговского съезда врачей (1995), живет в состоянии затяжного психо-эмоционального и социального стресса.

уж устроен мир. Но это не значит, что не надо стремиться его изменить. Что и делали такие люди, как Чехов» [9].

Скольжение страны на грани сырьевого придатка – а это пропасть, политический театр абсурда, в котором все мы вынуждены участвовать, вакханалия безнаказанной коррупции и повседневного насилия, казалось бы, делают сейчас разговор о судьбах нашей культуры и поисках общегражданской идентичности не столь уж и важным. Но это глубокое заблуждение! Ведь неразрешимыми все социально-экономические, политические и духовно-нравственные проблемы становятся только тогда, когда дает сбой генотип культуры. Ведь как все живущее, она воспроизводит себя по этому генотипу – бесконечно сложному и в то же время предельно простому. В нем значится: зачем жить, как относиться к другим, как понять и успеть осуществить отпущенное человеку, которого называют вашим именем. Каждый из нас всю жизнь разгадывает эту тайнопись, но сейчас нам подсунули совсем другие письма, на чужом языке, из другого храма, рожденные другой культурой. К нам импортируется культура, для которой увеличение личного капитала – самоцель существования человека. Это же другой культурный генотип, несовместимый с нашим! В русской народной и православной традиции рай не закрыт для последней блудницы и преступника – если они раскаются. Но он недоступен для мздоимца, наживающегося на других. Для нас личное благополучие, личное существование возможно лишь благодаря единению с другими – это не в колхозе насаждали, а веками утрамбовывалось в генах наших предков, которые на перепутье Востока и Запада, Юга и Севера иначе бы не выжили. Поэтому прежде чем действовать, нужно очнуться и вспомнить, кто мы, откуда, куда мы идем, – иначе легко поддаться крикливой истерике, панике. Без этого окажутся несостоятельными самые блестящие программы выхода общества из экономического и политического кризиса. Без этого человек не сможет выстроить свою жизнь как дорогу к самому себе, а страна выбраться на правильный путь выхода из кризиса.

Никакой рынок или плано-бюрократическое распределение, никакая демократия или деспотия, никакая религия или богохульство не способны задавить подлинное искусство¹. Потому что не может вытравить то, что свыше тысячи лет формировалось и вошло в плоть, кровь и дух русского народа, что проявлялось то в великом искусстве «слова», то в гениальных «красках», то в ярчайших архитектурных образах, то в неповторимом музыкальном звучании, то в исторических и философских докумен-

¹ Критик Владимир Винников справедливо пишет, что «корневая система» отечественной поэзии, закатанная было под асфальт «рыночных отношений» все-таки не погибла. Первые ростки, пробившие этот асфальт, может быть, еще не слишком радуют глаз, но они, вне всякого сомнения, живы, а значит, дело дойдет и до цветения, и до новых плодов...».

тах. «Искусство, – считал П.А. Сорокин, – это чувствительное зеркало, отражающее душу народа». А «искусство, созданное русским народом, – отмечал Д.С. Лихачев, – это не только богатство, но и нравственная сила, которая помогает народу во всех тяжелых обстоятельствах, в которых русский народ оказывался. Пока живо искусство, в русском народе всегда будут силы для нравственного самоочищения» [10, с. 9; 11]. Поэтому на груде мусора современного артрынка – вопреки и в противовес ему – все равно вырастут художественные произведения, которые станут откровением о нашем времени, о судьбе каждого из нас. Искусство и незаменимо, и вечно. Даже если его попытаются превратить из искусства высшей формы самопознания народа в арт-наркотик, отвлекающий от реальности и обезболивающий хирургическую операцию, которую уже двадцать лет проводят по отношению к народу и стране. Но волшебное свойство подлинного искусства состоит в непредсказуемости появления книги или фильма, художественного полотна или музыкального произведения, в котором человек увидит самого себя и наше время. И пусть пока еще ни в одном из видов искусства не созданы художественные произведения, которые можно было бы назвать откровением о нашем времени и о человеке, они обязательно появятся. Какой бы мрачной ни была реальная картина современной художественной культуры в нашей стране, есть в ней и светлые черты и события, имена и произведения. Как бы глубоко не зашел процесс коммерциализации, дегуманизации и деэстетизации искусства, ценности «мошны, чистогана и брюха» (Валерий Ганичев) органично чужды искусству, в России – особенно. Главный повод для оптимизма дает история нашей литературы и искусства, которых хоронили бесчисленное количество раз – как раз в тот момент, когда в типографии набирался «Герой нашего времени», и в каморке складывались строчки «Мастера и Маргариты», когда никому не известный Федя Шаляпин выступал в провинциальных театрах, а юный Сережа Есенин записывал «Выткался на озере алый свет зари...».

Так происходит и сейчас – будущее отечественной литературы и искусства уже живет в безвестном мальчишке из какой-нибудь «неперспективной» деревеньки или в юноше, читающем строки нашего учебника на своей студенческой скамье. Искусство, которое будет создано ими, обязательно станет откровением о нашем времени, о нас с вами. И открытием новых ценностей – подлинно человеческих, как бы они не назывались. И, наверное, вберет в себя мучительные поиски всех «измов», упомянутых в этом культурологическом пособии.

Может быть, сегодняшнему зрителю, читателю, который, как точно подметила критик Юлия Гирба, затравлен жизнью и искусством, такого рода суждения покажутся прекраснотдушными мечтаниями, не имеющими отношения к его социокультурной идентификации, заявленной как тема статьи. Тогда в качестве последнего аргумента приведем мнения «со сто-

роны»: «Несмотря на хаос, который охватил восточно-европейские страны, творческий потенциал их художников, – говорит один из наиболее крупных деятелей современного французского кино, актер Жан-Мари Барр, – гораздо мощнее, чем на Западе». Его соотечественник, известный литературный критик Христиан Ком-баз пишет: «Современность для молодых русских писателей не повернута спиной к человеческому... Они идут прямо к главному, к тому, что станет, возможно, в конце концов, нашим авангардом» [12].

Так что наберемся терпения. Искусство в нашей стране столько раз хоронили и сбрасывали с корабля современности, что оно обрело особую жизнестойкость и особую способность определять направленность процесс идентификации. «Искусство никогда не оставляло человека, всегда отвечало его потребностям и его идеалу, всегда помогало ему в отыскании этого идеала...», – писал Ф.М. Достоевский. И далее: «Искусство есть такая же потребность для человека, как есть и пить. Потребность красоты и творчества, воплощающего ее, – неразлучна с человеком, и без нее человек, может быть, не захотел бы жить на свете». И еще авторитетнейшее мнение гениального «эксперта» в делах искусства, бесспорное на все времена: «Но нет худа без добра. Никто так не уясняет значения и назначения искусства, как то ложное искусство маленького кружка паразитов нашего времени, которое бьется в тупике, из которого оно не может выбраться. По тому безобразию и безумию, до которого дошло это ложное искусство нашего круга и времени, не только видно, чем не должно быть искусство, но видно и то, чем оно должно быть». Это написал наш великий соотечественник и наш вечный современник Лев Николаевич Толстой.

Достаточно субъективная оценка происходящего в культуре требует, конечно же, подтверждений сугубо социологическими методами. Однако именно эта сфера социологии оказалась «самым слабым звеном» в бурно развивающейся социологической науке. Одно из немногочисленных исследований состояния культуры [2] было проведено в Москве. Учитывая относительное благополучие состояние сферы культуры в столице, можно предположить, что показатели в других регионах и, тем более, в сельской местности, вряд ли могут отличаться в лучшую сторону. Исследование выявило, что за двадцать лет – с 1988 по 2008 г. – в два раза упала посещаемость театров, музеев, концертов; буквально рухнула читательская активность – с 81 % до 51 % среди 30–59-летних, с 75 % до 48 % среди тех, кому больше 60 лет. В 4 раза сократилось число взрослых (старше 30 лет) посетителей библиотек. Книговыдача на 1 взрослого в месяц упала с 2,33 до 0,33, доля бравших книги среди 18–29-летних сократилась в 2 раза, среди 30–59-летних в 10 раз, среди тех, кому за 60 – в 4,5 раза. А число интенсивных читателей уменьшилось в 41 раз... Бездеятельный отдых предпочитают ныне 98% молодых людей до 17 лет, 84 % тех, кто старше

17 лет (в 1988 г. последних было 75%). За 20 лет упал интерес школьников к информации – в 1988 г. ею интересовались 82 % опрошенных, в 2008 – 61 % молодых людей того же возраста, к проблемным – соответственно 57 % и 2 %, к образовательным – 66 % и 23 % – передачам телевидения. Как шагреневая кожа сокращается молодежная (до 17 и от 17 до 29 лет) телеаудитория искусства: литературных передач, соответственно, в 13 и 8 раз, передач по изобразительному искусству – в 5 и 8 раз, даже музыкальных передач – в 2,5 раза в обеих возрастных категориях. В три с половиной раза меньше юных (до 17 лет) зрителей у телеканала «Культура», чем в возрастной категории 17–29 лет. Зато в три с лишним раза до 17 лет смотрят больше, чем 17–29-летние телеканал ТНТ (58 % и 17 %), почти в 2 раза – телеканал РенТВ (31 % и 17 % соответственно).

Эти цифры свидетельствуют, что единое культурное пространство строится сегодня на совсем других, чем раньше, несущих конструкциях. В какой мере это учитывается в культурной политике и как эти новые элементы инфраструктуры культуры используются в достижении культурных целей государства? Важнейшим фактором изменения функционирования культуры в обществе стали новые информационные технологии и, в частности, СМИ, которые – как бы мы к ним ни относились – стали ведущим звеном инфраструктуры культуры. Для определения их нынешней сути достаточно для краткости привести мнение одного из критиков: «апокалипсис каждый день... Но если уж не апокалипсис, то, по крайней мере, скандал» [13]. Реально СМИ стали социальным институтом маскировки увеличивающегося разрыва между народом и властью, способом социального наркоза, механизмом духовной анестезии населения. Не случайно академик Никита Моисеев считал деятельность современных СМИ «лучшим доказательством наступления нового Средневековья» и обличал «прозападное информационное лобби, мертвой хваткой вцепившееся в общественное сознание», а писатель Александр Солженицын инкриминировал журналистам электронных и печатных СМИ «потерю ответственности автора перед высшей силой»...

Все более возрастающую роль в процессе идентификации играет Интернет, ставший не только новым средством массовой коммуникации, но и нанотехнологией культуры, меняющей формы самовыражения (в том числе творческого), досуга, направление духовно-нравственного развития миллионов людей. И все в большей степени – вектор их идентификации. Как это в конечном итоге отразится на качественных характеристиках культуры и ее субъекте – человеке, с какой культурной основой, с какой социально-исторической или национальной общностью он станет отождествлять самого себя – сказать пока трудно. Понятно, что как любое достижение человеческого разума, Интернет может быть использован как для становления человеческого в человеке, так и для противодействия этому

главному вектору развития культуры. Но для этого необходима государственная программа использования интернет-ресурсов для развития отечественной культуры, ее пропаганды, предоставления хотя бы в виртуальной форме всего пакета культурных услуг каждому гражданину независимо от социального положения, места жительства. Сделать отечественную культуру в полном объеме достоянием всех – задача технологическая – нужен перевод культурного наследия на электронные носители. И конечно же, финансово-экономическая – но использование в культурной политике Интернет-ресурсов становится фактором преодоления информационного невежества и информационного неравенства, сохранения целостности информационно-культурного пространства. То есть речь идет не только о действенных механизмах идентификации все новых и новых поколений, но и о конкурентоспособности страны.

Все более настоятельно жизнь требует от государства не только новой информационно-культурной, но и экономической политики в сфере культуры и ее социального воспроизводства в национальных интересах страны и ее народов. Пресловутый, но по-прежнему действующий остаточный принцип финансирования поддерживает культуру, как веревка – висельника (Шарль Монтескье). И хотя в 2000-е гг. удалось поднять финансирование культуры в 8 раз, увеличение прямого бюджетного финансирования не безгранично и не решит все проблемы. Прямое финансирование должно стать конкретным и адресным и все в большей степени смещаться в сторону грантового финансирования наиболее ярких и общественно важных проектов.

Опыт многих стран подсказывает: передача всего лишь 1 % от государственных заказов в пользу Минкульту позволило бы принципиально поменять ситуацию. Но это непосредственно «бьет по карману» обе стороны, непосредственно участвующие в системе конкурсов и тендеров... Рынок повернется не во зло культуре, а на ее благо, если регулирование спроса не будем монополизировано прослойкой дельцов от искусства, преследующего одну цель – наживу. Государство способно регулировать рынок в сфере культурных услуг в общенациональных интересах, прежде всего, развивая его региональный и информационный сегменты. Правительству надо разработать систему органичного сочетания государственного патернализма с государственным протекционизмом. Гибкий механизм НДС стал эффективным регулятором развития культуры во многих демократических странах. Вложение в производство, открытие новых имен, специальные почтовые тарифы для пересылки книг – все это могло бы стать предметом продуманной экономической политики, охватывающей всю технологию производства культурных услуг. Налоговые льготы должны стать гибким механизмом стимулирования творчества и активизации культурной деятельности, в том числе благотворительности. Возмож-

но, целесообразно было бы ввести ставку «0» по налогу на прибыль в тех сферах культурной деятельности, в которых сложилась наиболее проблемная ситуация – в эстетическом воспитании детей и юношества, в обеспечении доступа к культуре сельских жителей и т.д. Необходимо законодательное закрепление обязательных стандартов культурных благ и материальные гарантии их обеспечения.

Система льготного налогообложения будет полезной для культуры в той степени, в какой будет конкретно и выборочной, даже точечной. Можно ли уравнивать в этом плане шоу-бизнес и, например, неигровое кино, которое существует вне прибыли? Госзаказ в искусстве должен превратиться из допайка генералам от кинематографа и театра в обеспечение художественного осмысления нашего прошлого и настоящего. Не может происходить естественный процесс самоидентификации со своей национальной культурой, если человека все время держать перед кривым зеркалом в школе злословия, предлагать сомнительные по художественному уровню и нравственным «урокам» поделки иностранного производства, вытравливать культуру из системы образования и сводить все богатство искусства к развлекательным шоу.

Именно благодаря государству сегодня должны заработать механизмы самовоспроизводства отечественной культуры на основании ее генотипа – как условия самоидентификации населения, «почти половина (42 %)» которого еще в начале 90-х «не знала, кем себя считать» [14].

Каковы социокультурные последствия этого тревожного факта? «Россия проиграла войну символов», – констатировал в то время министр обороны США Хейг. Но символы и мифы, ценности и нормы не уложишь в братскую могилу – их природа такова, что эти краеугольные камни национальной культуры любого народа самовозрождаются и самовоспроизводятся в процессе идентификации новых поколений, пытающихся обрести внятные ответы на вопросы, которые ставит жизнь. – Просто потому, что не находят эти ответы ни в «мыльных» телесериалах, ни в «литературе о литературности литературы»¹, ни в перфомансах современного искусства... Двадцать лет с лишним лет, прожитых отечественной культурой в условиях «культурной интервенции» (В. Распутин), показывают, что она обладает внутренним иммунитетом, обеспечивающим выживание аутентичных (т.е. исконных, подлинных) форм в гораздо большей степени, чем наша экономика или политика, легко перекроенные под либеральные схемы. Противодействие вестернизации, проводниками которой является телевидение, радио, большинство средств массовой информации, официальная

¹ Литература о литературности литературы («fiction about the fictionality of fiction» – К. Брук-Роуз), – это не литература.

критика и другие институции культуры, возрастает со стороны зрителя¹. Поиски идентичности, соответствующей национальному мирозерцанию и отечественной культуре, усиливаются².

Это тем более важно в нынешней ситуации, что культурно-историческую специфику России пытаются представить аномалией или, по крайней мере, «тормозом» на пути модернизации – «культурной блокировкой» (А. Аузан). Поэтому нам предлагают один выход – сменить культурный код России, отказаться от своей идентичности и втиснуть себя в прокрустово ложе «западной цивилизации – сплетения противоречий и лжи» (французский антрополог Жюль Анри [15]). Это хуже, чем сменить пол – речь идет об ином генотипе культуры. Но мы никогда не сможем быть другими. Другими мы перестанем быть. Потому что механическая смена идентичности неминуемо приводит к отчуждению от самих себя. Водораздел между цивилизациями проходит по простой мерке: с одной стороны все во мне и я во всем, с другой – я вне и выше всего, все вне меня. И трактовка этого вопроса в российской цивилизации, определяющая тип идентичности – «неприкосновенный запас», наше самое главное средство выживания в новом столетии и – так далее. Но при всей несовместимости этих систем ценностей нельзя трансплантировать свою систему ценностей в «неправильную» цивилизацию. Наоборот, надо научиться жить в глобально целостном мире, где уже невозможно выстраивать национальную идентичность на тиворечиях «МЫ – ОНИ». Это «дурная бесконечность», как говорил Гегель, с научной точки зрения бесплодная, а в жизни страшно опасная, потому что неминуемо приведет к исчезновению носителей идентичностей. Всех. Единственная продуктивная парадигма становления идентичностей – любого их количества и качества – «МЫ – ВЫ».

Основные ценности нашего национального бытия идентичны нашим цивилизационным целям. И наоборот. Равенство, братство, доброта, красота мира и уникальность каждого человека – чтобы достичь этих стратегических целей развития российской цивилизации, надо сохранить чистоту духовно-культурных родники, бьющих из прошлого. Они сегодня основатель-

¹ Во второй половине 1990-х гг. больше половины кинозрителей предпочитали смотреть советские фильмы 50–80-х гг., слушать советскую эстраду. Достаточно отметить и тот факт, что шоу-бизнес вынужден эксплуатировать лучшие художественные достижения именно этого и предшествующего периодов развития отечественной культуры: «Старые песни о главном», песни из кинофильмов прежних лет...

² «Лишь немногим больше трети россиян (38 %) в 1992 г. именовали себя “гражданами России”. Даже в 2004 г. люди реже называли себя гражданами своей страны, чем представителями этносов и отдельных регионов. Сейчас... 95 % респондентов в той или иной степени воспринимают себя как “граждан России”, при этом 72 % уверенно говорят, что “россияне – это мы”, т.е. чувствуют прочную общность с другими гражданами... Страна, где ты родился и жил, Родина – это очень важно для большинства людей вне зависимости от их возраста, достатка, национальности или профессии» [14].

но захламлины, завалены – где из-за слепоты, где из-за отчужденности от их первородной ясности и чистоты. Уместно вспомнить здесь армянскую поговорку: «Пока родники не высохнут, цену воды не узнаешь».

В.В. Путин говорил в своей валдайской речи, что идентичность коренится в культуре и истории. Пусть не вполне очевидную, но не менее жесткую связь идентичность имеет не только с прошлым, но и с будущим – точнее, с его образом, который закодирован в национальной идее или в мечте. Не зря его бывший американский коллега Джон Кеннеди заявил: «отсутствие мечты губит народ». Потому что она не только является путеводной звездой для миллионов, но и вектором их идентификации. Эту проекционность нашего национального самосознания точно выразил Ф.М. Достоевский: «тайна бытия человека не в том, чтобы только жить, а том, для чего жить». Национальная идея России формируется в таком ценностно-смысловом поле – поле культуры. Именно культура – стратегический ресурс России [16, 17, 18], фактор нашей цивилизационной безопасности в XXI в. Трудности формулирования национальной идеи связаны не только с тем, что она должна пройти сквозь толщу народного самосознания, вызреть в нем гениальной догадкой, сформулированной кем-то из интеллектуальных «подмастерьев». Безуспешные за последние десятилетия попытки формулирования этой идеи во многом связаны с состоянием отечественной культуры, разорванностью ее нынешнего социального бытия. «Искусство, созданное русским народом, – считал Д.С. Лихачев, – это не только богатство, но и нравственная сила, которая помогает народу во всех тяжелых обстоятельствах, в которых русский народ оказывался. Пока живо искусство, в русском народе всегда будут силы для нравственного самоочищения» [10]. Поэтому определение национальной идеи как квинтэссенции отечественной культуры станет решающим фактором формирования общероссийской идентичности. Вместе с тем, очевидно, что нынешний «кризис идентичности» – болезнь роста, в ходе которой социальный организм приспосабливается к новым условиям существования, обогащая историю развертывания генотипа своей культуры новой фазой. Смысл этой новой фазы – не утрата генотипа культуры, ее качественной специфики, а выживание страны в новых условиях, качественное обогащение самотождественности ее граждан, приращение цивилизационного «Я» России – ради сохранения внутренней целостности социума в целом и каждого индивида.

В завершении статьи хотелось бы привести слова А.С. Панарина: «России сегодня суждено либо подтвердить в новых условиях и на новой основе возможность больших суперэтнических синтезов и тем самым предложить миру стабилизационную модель, либо потерпеть в этом поражение» [19, с. 345]. В пользу второго варианта развития событий можно процитировать Зинаиду Гиппиус, которая считала, что русский народ «не может ни породить Зло, ни успешно сопротивляться ему». Однако, если

бы она была права, за тысячи лет этого народа уже не существовало бы – да и не только русского.

Литература

1. *Баталов С.* Тень ковбоя // Новое время. 1994. № 34.
2. Культура и культурные потребности москвичей / отв. редактор А.Я. Рубинштейн. М., 2010.
3. Манифест кинематографистов, принятый на XVIII Международном кинофоруме «Золотой витязь». 23 мая 2009 г.
4. *Михалков Н.* Стою за веру, надежду и любовь // Российские вести. 8 (1418).
5. Стенограмма заседания Совета по культуре и искусству при Президенте РФ. 2 октября 2013 г.
6. *Суконкин А.В.* Культура России: вехи современного развития // Представительная власть. 2012. № 3.
7. *Кудрина Т.А., Шендрик А.И., Комиссаров С.Н.* Культура села: проблемы возрождения. М., 1992.
8. *Вознесенский А.* Заметки об академизме XX века // Известия. 1995. 12 мая. С. 4.
9. Аргументы и факты. № 30. 2009.
10. *Лихачев Д.С.* Русское искусство от древности до авангарда. М., 1992.
11. *Воденко К.В.* Наука в современном обществе: социальные и экзистенциальные причины кризиса рационализма и пути его преодоления // Альманах современной науки и образования. 2010. № 12. С. 62–71.
12. Литературная газета. 1994. 28 сент.
13. Вопросы литературы. 2004. № 4.
14. *Горшков Михаил.* Капитал не

References

1. *Batalov S.* The Cowboy Shadow // New time. 1994. № 34.
2. Culture and cultural needs of Muscovites / Ed. Editor A.J. Rubinstein. M., 2010.
3. Filmmakers Manifesto Adopted at the XVIII International Film Forum «Golden Knight». May 23, 2009.
4. *Mikhalkov N.* I Stand for Faith, Hope and Love // Russian News. 8 (1418).
5. Transcript of the Meeting of the Council for Culture and Arts under the President. 2 October 2013.
6. *Sukonkin A.V.* Russian Culture: Contemporary Development Milestones // Representative authority. 2012. № 3.
7. *Kudrin T.A. Shendrik A.I., Commissioners S.N.* The Culture of Village: the Problems of Resurgence. M., 1992.
8. *Voznesenskiy A.* Notes on the Ascension Academism in the XX-th Century // Izvestia. 12.05.1995.
9. Arguments and Facts. № 30. 2009.
10. *Likhachev D.S.* Russian Art from Antiquity to the Avant-garde. M., 1992.
11. *Vodenko K.V.* Science in modern society: social and existential reasons for the crisis of rationalism and ways to overcome // Almanac of modern science and education. 2010. № 12. P. 62–71.
12. Literaturnaya Gazeta. 28.09. 1994.
13. Problems of Literature. 2004. № 4.
14. *Gorshkov Mikhail.* Capital not

по Марксу // Российская газета. 2013. 8 окт.

15. Завтра. 2009. № 53 (841).

16. *Абдулатипов Р.Г.* Культура как стратегический ресурс России в XXI веке. М., 2010.

17. *Абдулатипов Р.Г.* Ресурсы культуры и проектирование будущего. М., 2011.

18. *Абдулатипов Р.Г.* Человек и культура (философия и практика духовных идеалов). М., 2012.

19. *Панарин А.С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998.

in Accordance with Marx // Rossiiskaya Gazeta. 11.08.2013.

15. Tomorrow. 2009. № 53 (841).

16. *Abdulatipov R.G.* Culture as a Strategic Resource of Russia in the XXIst Century. Moscow, 2010.

17. Abdulatipov R.G. Resources of Culture and Projecting the Future. M., 2011.

18. Abdulatipov R.G. Man and Culture (Philosophy and Practice of Spiritual Ideals.) M., 2012.

19. Panarin A.S. The Revenge of History: Russian Strategic Initiative in the XXIst Century. M.: Logos, 1998.